

Диспут о московских театрах.

Началось очень чинно и добропорядочно.

Председатель П. М. Окулин во вступительном слове призывал к объективности. Первый «прокурор», П. М. Коржаков дал содержательную, идейно-обоснованную характеристику театрального года. Не столько обвинял, сколько анализировал, призывая в целом беспорочное первенство русского театра перед западным. А. Ффрос в ядовитой и порой убедительной речи обрисовал роль художника и конструктора в современном театре, их записки, их успехи и орывы. Истинно прокурорские громы метнул лишь В. Шершеневич, не пощадивший ни одного театра, вида воюду «лучинизацию», вместо нужной электрификации.

Защитники, В. И. Блюм и Ю. Марголин, были не столько защитниками, сколько полупрокурорами (как и два прокурора полузащитниками), отметив достоинства девых театров и в то же время общую их тенденцию «перемежерхольдить» один другой; а с другой стороны, сваткость академизма.

В общем все теснилось влево, кто дальше, кто ближе. Ни один подлинный, убежденный академик не сказал ни слова,

Гвоздь диспута вбили «эксперты». Подставив себя в положение обвиняемых, они повели жесточайший обстрел одновременно и прокуратуры и валиты. Первый принципиальный аргумент: критик не имеет права критиковать. Второй: понимает только художник или режиссер, больше никто. Третий: кто «сидит на казенном сундуке», тому и у того хорошо, кто только ходит около сундука, тому, по-истине, плохо.

Но идея ни вещей, ни идей, ни людей, Г. В. Жуков и В. Э. Мейерхольд дали новый простор своим темпераментам. Последний, убеждавший нас, что теперь лучше «здоровая похабщина», в финале прерванной речи выразил даже надежду, что скоро, быть может, «помрет Намгрович-Дайченко», который-де хочет в «Линстрате» дать нездоровую похабщину.

Публичка неистовствовала и за и против. Председатель, не привыкший к подобной обстановке, в заключение мог сказать только несколько возмущенных и правдивых слов о нашей высокой культуре.

Таков печальный итог итогового диспута.